

№263 Бедмица

Для духовных размышлений на предстоящую неделю

Оскомина от агитации уличных проповедников

Уже к концу 18-го века многим людям было слишком очевидно, что Русская Православная Церковь находится в состоянии жуткого застоя, что дальше так жить нельзя. Многие нужно пересматривать и исправлять. Ну а поскольку высшим органом управления Поместной Православной Церкви является Собор, значит, нужно было срочно его и собирать.

Торопиться, но, не спеша – Собор то должен быть результативным, значит, к нему нужно серьезно подготовиться. И тут, надо отдать должное тогдашним иерархам, они приняли мудрое решение – максимально задействовать весь интеллект, все духовные силы Церкви – профессорско-преподавательский состав Духовных академий, ученых монахов, мыслящих приходских священников и просвещенных мирян. Представляете – аж за 17 лет до открытия Собора, с 1900 года уже была начата широкая кампания по подготовке к нему – учрежден так называемый Предсоборный Совет, регулярно проводились Предсоборные Соповещения. Более того, организаторам подготовки к Собору удалось создать удивительную атмосферу всенародной активности. Любой, даже последний деревенский батюшка, мог быть услышан – не высказывались только ленивые, а все предложения – и стоящие, и даже нелепые публиковались в соответствующих изданиях.

Громадное множество злободневных вопросов поднималось для обсуждения на Соборе – проблема, как оживить христианскую жизнь, зачастую вязнущую в обрядоверии, отживших канонах, заскорузлых традициях. И вот одним из легиона таких вопросов был язык Богослужения. Вот почему человек, пришедший в храм, лишен возможности ясно, четко и полно воспринимать все, что в нём происходит?

Да, безусловно, в церковно-славянском языке, помимо слов неудобовразумительных, встречаются и выражения, достаточно понятные и русско- и украинно-язычному молящемуся. Но коварство такой «ясности» в кавычках заключается в том, что эта понятность обманчива. Ну вот, например, звучит слово «напрасно» – разве Вы чувствуете какой-либо подвох? Даже ребенок прекрасно понимает, что «напрасно», значит – зря, бесполезно.

Ну а на самом деле это же не так! Славянское слово «напрасно» означает «внезапно». Вот когда Вы на утренних молитвах, если пользуетесь старыми молитвословами, читаете: «напрасно Судия придет, и коегождо деяния обнажатся», это вовсе не означает, что, и вправду, напрасно Бог вновь придет на землю. Не напрасно, а внезапно. И таких примеров множество. Или вот тоже такое словечко – «питательный» – кто из Вас не знает, что означает слово питательный? Уверю Вас, никто, включая и священников, особенно тех, кто

ратует за церковно-славянский язык, как единственный священный – поспрошайте хотя бы из вредности – уверю Вас – не знают – ну, разве два или три человека в Херсоне – совершенно случайно.

Да, можно засесть за учебники и словари и все это выучить, но ведь, никто не учит. Каждый третий священник, не говоря уже о прихожанах, не ответит Вам даже, что означает слово «вонмем», которое возглашается за каждым Богослужением по несколько раз – люди привыкают к словам, как таковым, и они звучат в их ушах, просто как музыка.

Спрашивается, зачем искусственные трудности? Ну вот мы, здесь собравшиеся в храме, в абсолютном большинстве люди русскоязычные. Ну и человек 20 украинно-язычных. Русские прекрасно понимают украинцев и наоборот. Поэтому проблем с общением между нами нет никаких. Ну а представьте, если завтра мне сверху придет указівка служить и проповедовать на языке фарси. Ни я не знаю этого языка, ни Вы. А нам скажут – ничего страшного – любой язык можно выучить – панове, вивчайте фарси!

Не логично ли будет в этом случае задать вопрос: «а зачем?» Только вместо «зачем», употребив непечатный синоним. Это, кстати, пример, уместного употребления ненормативной лексики.

Короче, вопрос о Богослужебном языке на Соборе 1917-18 годов был одним из главных. Были прения – большинство епископов было против, священники разделились примерно пополам, а миряне были за современный понятный язык в Церкви. Поэтому и постановление Всероссийского Собора было, так сказать, взвешенным. С одной стороны, учитывался интерес традиционалистов – любителей архаики – поэтому церковно-славянский не отменялся и не воспрещался. Но с другой стороны, постановлением Поместного собора применение за Богослужением современного национального языка разрешено – по желанию прихожан и с благословением епископа.

Казалось, ура! Дьявольская твердыня рухнула.

Но не все так просто, сатана свои позиции легко сдавать не привык. После Всероссийского Собора, который по времени совпал с трагичными переменами в нашей стране, действительно во многих храмах служить стали на современном русском языке. Но инициативу в этом захватило так называемое обновленческое движение, среди которого, несомненно, были и люди, преданные Богу, искренне желавшие блага Церкви. Но большая часть обновленцев – это политические интриганы-карьеристы, пытавшиеся использовать идеологические противоречия между традиционно настроенной иерархией и советской властью.

Плюс, oblico morale у многих обновленцев было весьма неприглядным. Обновленческие епископы стали массово жениться, что само по себе для простого народа было соблазном. Если бы еще как-то по-тихому, а то ведь, такие свадьбы устраивали – «веселись беднота – барин приехал!» Представляете, семидесятилетний епископ женится на 18-летней красавице – гудит вся епархия, а пьяное духовенство орет своему архиерею: «Горько!»

Моя учительница по вокалу Надежда Григорьевна Русалова (Царство ей Небесное) рассказывала, как проходила в те годы одна из архиерейских встреч, которую она видела своими глазами. Ну Вы знаете, как обычно проходит архиерейская встреча – в нашем храме или любом другом. Перед праздничным Богослужением в трапезной части храма выстраивается духовенство и иподьякона; звенит колокол, а как только звонарь завидел подъезжающего архиерея – начинает трезвонить во все колокола. Это значит, внимание – все подравнялись, вытянулись. Владыка входит в храм в сопровождении протопресвитера; в этот момент протодьякон возглашает: «Премудрость»,

и хор начинает петь: «От востока солнца до запада хвадно имя Господне! Буди имя Господне благословенно отныне и до века». Ну и дальше иподьякона облачают епископа в мантию, священники подходят под благословение, ну и так далее.

Да, ну а теперь – картина Репина - встреча обновленческого епископа: всё почти то же самое – звенит колокол, духовенство так же выстроено в два ряда, протоиерей с кадиллицией.

Но вот затрезвонили – значит, владыка уже на подходе – в притворе появляется парочка – владыка в белых парусиновых брючках с тросточкой, а под руку - молоденькая женушка лет 17-ти, на которой 75-тилетний владыка давеча женился.

Оно, конечно, преступного в этом ничего нет – апостол Павел, ведь, писал, что «епископ должен быть одной жены муж», но это, ведь слом древней традиции – может, и неправильной, но и не самой плохой. А на простой народ такие картинки действовали гораздо сильнее, чем красный плащ-капоте на быка.

Таким образом, обновленческое движение было дискредитировано в глазах простых верующих. Само их название стало бранным, хотя «обновление» - слово-то это хорошее. «Се, творю все новое», - говорит Господь.

И вот так случилось, что современный русский язык за Богослужением стал ассоциироваться именно с обновленцами – это как-то очень прочно увязалось в сознании верующих, и сама идея понятности Богослужения была отброшена в будущее, минимум на столетие. Последствия этой церковной трагедии невозможно преувеличить – в связи с этим последовало столько духовно-психологических осложнений, что всех и не перечислить. Самое страшное – это сакрализация церковно-славянского языка. Ему стали приписывать особую магическую силу, а это, как Вы понимаете, деградация в дремучее язычество. Это вообще-то отдельный разговор, не совсем касающийся нашей с Вами последней темы. Поэтому, главная мысль, которую на сегодняшний день стоит нам вынести из этого исторического примера это то, что ценнейшие идеи могут быть дискредитированы.

Понятный Богослужебный язык на сегодняшний день для Церкви нужен как воздух и, благодарение Богу и нашему патриарху Филарету, в Церкви Киевского патриархата такой проблемы нет в принципе, но стоит заговорить на эту тему почти на любом приходе Московского патриархата, как тебе сразу же вспомнят обновленцев. Плюс еще к этому приведут примеры неудачных переводов, коих, и вправду, было достаточно – переводили ведь Богослужения наспех – ляп множество. Да, собственно, и сегодняшние переводы не блещут. По-моему, я уже как-то приводил Вам примеры топорности некоторых современных версий. Ну вот поют на украинском: «блажені чисті серцем, бо вони Бога побачать» - или на русском: «Бога увидят». Неправильно – апостол Иоанн Богослов пишет: «Бога не видел никто никогда...»

Бога можно духовно созерцать, и этот оттенок как раз и передает славянский язык: «Блажен чистии сердцем, яко тии Бога узрят». Конечно, по-славянски, здесь лучше – хотя бы потому, что слово «узреть» имеет один корень с «созерцанием». Да и вообще, зачем переводить слово «узреть», если оно и так русское, всем понятное и в определенном смысле является богословским термином.

Таких примеров, дискредитирующих саму идею переводов, можно привести множество, но всегда все можно и нужно исправлять - любой перевод должен быть не статичным, а динамичным. Совершенствовать нужно современный язык, а не отказываться от его применения за Богослужением.

А многие считают – наоборот - вот ступор у них такой – мол, не надо нам ничего менять – служи-

ли наши деды на церковно-славянском и спасались, вот и мы будем молиться также, как и прадеды.

Да Бога ради, конечно молитесь - хоть на славянском, хоть на латинском, хоть на греческом, да хоть и на еврейском, но зачем же чинить препятствия тем, которые предпочитают прозрачный современный язык молитвы к Богу! Без последнего эффективное привлечение новых людей в Церковь абсолютно невозможно.

Но у многих церковников вывих - вавка в головах – навязчивая идея, фобия. И причина этой паранойе понятна – испуг, боязнь призрака обновленчества.

Примерно та же картина и в миссионерском деле – Христос заповедал: «Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари», «Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам». И это поручение Господне касается ведь всех нас без исключения, независимо от того – священник ты, дьякон или рядовой верующий. Каждый из нас должен быть миссионером в самом буквальном смысле этого слова. Мы должны говорить людям о Боге, привлекать народ в Церковь, но осознаем ли мы эту обязанность перед Богом? К сожалению, в абсолютном большинстве, нет. Почему?

Ну, во-первых, по причине лени – нам самим иногда в тягость выполнять элементарные церковные обязанности, а кого-то еще привлекать к этому, голову морочить с кем-то – оно нам надо!

Но помимо лени, есть еще и губительные стереотипы – мол, а что я должен, как баптист заниматься агитацией на улицах? Или как свидетель Иеговы ходить по домам с книжечками?

Да, вот это абсолютно та же фобия, что и у православных фундаменталистов. Только те находятся под впечатлением обновленческих безобразий, а перед нашим с Вами взором - протестант перестроечных времен, который в переполненном автобусе шепчет вам на ухо: Бог вас любит. Припоминаете подобные ситуации - Вы висите на поручне – ни вдохнуть, ни выдохнуть, даже рукой не пошевелить, а к спине Вашей прилип брат во Христе и, пользуясь Вашим безвыходным положением, наговаривает Вам довольно банальные истины.

Действительно, как правило, такой вот навязчивый сервис вызывает обратную реакцию. Проповедь не должна у слушателей вызывать дискомфорт. Принцип банного листа – это плохой принцип. И своей, иногда чрезмерной напористостью, некоторые протестанты, особенно в не столь далеком прошлом, в значительной степени дискредитировали частную проповедь.

Но, как говорится, не ошибается лишь тот, кто ничего не делает. Неудачный опыт должен двигать вперед, а не назад. Нужно искать те формы проповеди, которые бы не напрягали окружающих, не вызывали бы их негативной реакции, а наоборот, дарили бы людям радость. Да, это не просто, но это та задача, которую перед каждым из нас ставит Бог. В то время, как многие православные, потирая руки, делают капитальный вывод – мол, не баптист я и не пятидесятник – глупостями такими не занимаюсь. Дескать, есть храм, есть священник – вот пушай он и проповедует. А я что, я простой, рядовой, смертный. Мое дело маленькое – хорошо, хоть сам пришел в воскресенье в храм, и за то скажите спасибо.

На самом деле - это ужасное заблуждение. Дело спасения наших родных, близких, знакомых, друзей – это задача каждого из нас без исключения. Скажу больше, роль священника в этом деле очень скромна. Батюшка зачастую имеет гораздо меньше возможностей, чем любой рядовой прихожанин. Это действительно так. А почему - в следующий раз я попытаюсь объяснить.

Предыдущие №№ «Седмицы» на сайте: <http://pravoslav.tv>
Листочек передайте, кому сочтёте нужным